

Оглавление

Предисловие. «Мужчина и женщина»: к постановке проблемы.....	8
Глава 1. «Мы с вами где-то встречались»: пространство знакомства, танцы.....	16
Глава 2. «Еще раз про любовь»: сексуальность до и вне брака.....	33
Глава 3. «В день свадьбы»: новое в брачном обряде.....	49
Глава 4. «Человек родился»: репродуктивность, аборт, контрацепция.....	65
Глава 5. «Испытание верности»: механизм развода и казусы адюльтера.....	81
Глава 6. «Секрет красоты»: естественность и искусственность.....	96
Глава 7. «Люди и манекены»: гендерные черты высокой моды.....	114
Глава 8. «Марья-искусница»: выживание в условиях дефицита.....	129
Глава 9. «Капроновые сети»: синтетика в мужской и женской одежде.....	144
Глава 10. «Мы двое мужчин?»: унисекс в советском варианте.....	161
Заключение.....	178
Литература.....	181
Список упомянутых кинофильмов.....	198
Указатель имен.....	200

Не спорьте о мужских правах, —
Все объяснимо в двух словах:
Нет прав у нас,
Как и у вас.
*Саша Черный. К женскому съезду,
декабрь 1908 года*

«Мужчина и женщина»: к постановке проблемы

Фильм «Мужчина и женщина» был снят в 1966 году французским режиссером Клодом Лелушем по собственному сценарию с участием Пьера Уттерховена. Музыка к кинокартине написал Франсис Ле. В главных ролях снялись Жан-Луи Трентиньян и Анук Эме. Кинолента имела оглушительный успех: в 1967 году она получила Золотую пальмовую ветвь в Каннах, затем «Оскара» за лучший иностранный фильм и еще более сорока различных призов. Фильм, сверхзадачей которого была реклама одного из спортивных автомобилей компании «Форд», стал пронзительной и нежной историей любви. Неудивительно, что он хорошо воспринимается зрителями и сегодня, спустя почти полвека после своего создания. Возможно, оглушительный успех кинокартины связан с ее простым и емким названием. Ведь на взаимоотношениях мужчины и женщины в общем-то держится мир.

В советском прокате фильм Клода Лелуша был продемонстрирован в 1967 году на излете хрущевской оттепели, которая реально завершилась не со снятием Н.С. Хрущева, а скорее в 1968 году, после введения в Прагу советских войск. Однако развитие многих процессов в жизни советского общества, заложенных в ходе десталинизации и связанных с целым рядом хрущевских реформ, уже невозможно было остановить. Это касается смены кодов повседневной жизни, коррекции советского гендерного уклада, системы взаимоотношений полов. Неудивительно, что фильм «Мужчина и женщина» был понят и воспринят советским зрителем. Его музыкальная тема стала «главной мелодией любви» для целого поколения советских людей, тех, для кого приватность жизни и пространства обитания, полноценная сексуальность и забота о внешнем облике уже не были экзотикой. И произошло это во многом благодаря разрушению в 1950–1960-х годах тоталитарных моделей брачно-семейных отношений, отцовства и материнства, сексуального поведения.

Сегодня усилиями целой группы современных социологов, в число которых входят Е.А. Здравомыслова, М.В. Рабжаева, И.В. Сохань, А.А. Темкина, Ж.В. Чернова и др., разработана достаточно корректная модель гендерного уклада, сформировавшегося в СССР в период оттепели. Советская государ-

ственность в целом тяготела к так называемому этакратическому гендерному порядку. Следует согласиться с утверждением Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной о том, что отношения между полами, а также модели мужественности и женственности в советском обществе в значительной мере определялись властным дискурсом, государственной политикой, «задающей возможности и барьеры действий людей» (Здравомылова, Темкина 2003а: 302). «Однако в этот период [1950–1960-е годы], — пишут исследовательницы, — происходит ограниченная либерализация гендерной политики, частичное восстановление частной жизни (приватной сферы) и формирование специфической неформальной сферы, то есть дискурса оппонирующего официальному» (там же: 314). Подобная модель не вызывает отторжения и у историков. Признанный лидер российского исторического гендероведения Н.Л. Пушкарева смело занимает введенную Здравомысловой и Темкиной периодизацию отношений полов (Пушкарева 2012). Правда, их формулировку, касающуюся гендерного уклада в 1950–1960-х годах, Пушкарева дополняет понятием «эрозии его центрального образа — „работающей матери“, имеющего некий гинекологический оттенок» (там же: 18).

Наиболее эффективными способами построения модели прошлого являются ограничение и упрощение. Как подчеркивал еще в 1997 году голландский ученый П. Доорн, именно «простая модель обладает большей возможностью для решения проблемы». Сложная модель содержит больше информации и «лучше отражает действительность, но тем меньше значения имеет она для объяснения. При масштабе 1:1 модель перестает объяснять что бы то ни было» (Доорн 1997: 90). Однако эта якобы ущербность сложной модели, носящей описательный характер, очень привлекательна. Так можно увидеть не только символы и знаки эпохи, но и ее конкретику. В этом, наверное, и состоит скромная задача именно исторического исследования.

Гендерный фон оттепели и хрущевских реформ почти не изучен отечественными историками. Даже Н.Л. Пушкарева не смогла назвать ни одной работы, посвященной проблемам взаимоотношений мужчин и женщин в эпоху десталинизации и демократизации советского общества. Неудивительно, что сегодня эпоха 1950–1960-х годов вызывает ассоциации прежде всего с именем и обликом Никиты Сергеевича Хрущева — невысокого, толстого, лысого, неуклюжего, плохо одетого мужчины. «Первая леди» советского государства — тактичная, образованная, владевшая английским языком Нина Петровна Хрущева — не отличалась элегантностью и женским шармом. Внешний имидж власти способствует и созданию некоего стереотипа восприятия всех советских мужчин и женщин того времени. И в частности поэтому представляется необходимым познакомить людей XXI века с реалиями действовавшего в 1950–1960-х годах советского гендерного уклада, наполнить его в целом корректную

модель, составленную социологами, живым дыханием эпохи демократизации и десталинизации.

Несмотря на отсутствие фундаментальных исследований по проблемам гендера в советском обществе времени хрущевских реформ, «женский вопрос», в первую очередь аспекты эмансипации, традиционно составляет предмет изучения историков, о чем свидетельствует огромное количество научной литературы, обобщенной и проанализированной особенно тщательно Н.Л. Пушкаревой (см.: Градскова 1999; Пушкарева 2002; Пушкарева 2012; Рабжаева 2004 и др.). Процесс формирования мужской идентичности в советской действительности стал объектом научного осмысления сравнительно недавно. Исследовательская инициатива здесь принадлежит социологам. Однако в подавляющем большинстве научных и научно-публицистических работ гендерного направления мужчины и женщины представляются в системе советского общества как раздельно существующие, их биологические, социальные, культурные и бытовые функции, действия, роли и интересы противопоставляются.

В этой книге сделана попытка, напротив, выявить некие точки единения мужчин и женщин, живших в период хрущевских реформ. Они вращались в одной и той же политической системе десталинизирующегося советского общества, трудились в одних и тех же отраслях реформирующегося народного хозяйства, а главное, жили в пространстве одной и той же меняющейся повседневности.

Взаимоотношения мужчин и женщин будут рассмотрены в контексте трех блоков проблем. Первый связан с телесным началом: половыми практиками, а также с обрядами, традициями и правовыми казусами, в которые мужчины и женщины включены на паритетных правах. Это ритуалы и пространства знакомства, менявшиеся или трансформировавшиеся под влиянием демократизации. Это сексуальность, развивающаяся вне формальных границ брака. Это брачный церемониал как выражение обряда перехода, как социальное соглашение, нейтрализующее опасности пересечения границ «чужого» и создающее «своего». Это проблемы материнства и отцовства, а также способы контроля над репродуктивностью. И наконец, это распад семьи, в равной степени касающийся и мужчины и женщины.

Второй блок, связанный с модой, отражает формирование новых черт полового символизма, проявляющегося в специфике внешнего облика советских людей. Известно, что «язык моды» в значительной степени фиксирует изменения в отношениях полов в конкретном обществе. Мода является одним из путей успешной социализации как отдельной личности, так и групп, выполняя психологические, коммуникативные и адаптивные функции. Она не только демонстрирует особенности и социальный статус человека, но и во многом маркирует его половую принадлежность и обладает способностью усиливать

сексуальную привлекательность. В книге представлены новые каноны внешнего облика мужчин и женщин, которые под влиянием общемировых тенденций подстегивали развитие косметики, парикмахерского искусства, пластической медицины и т.д. Уделено внимание специфике высокой моды и стратегиям выживания «советских модников и модниц» в условиях планового социалистического хозяйства. Специальная глава рассказывает о роли достижений науки и техники — а именно о роли синтетики — в повседневной жизни мужчин и женщин в годы хрущевских реформ. Книга завершается сюжетом об «унисексе» в повседневной жизни советских людей в 1950–1960-х годах.

Культура — своеобразный третий блок — представляет основной стержень всего текста, что связано со спецификой его документальной базы. В книге, которая является историческим исследованием, использованы все виды традиционных источников: нормативные и делопроизводственные документы центральных и местных органов государственной власти, материалы Коммунистической партии Советского Союза и комсомола, центральная и региональная периодика (журналы и газеты), материалы социологических опросов 1960-х годов. Многие документы впервые введены в научный оборот, так как обнаружены автором в ходе целенаправленного архивного поиска. Это материалы официального толка: интереснейшие отчеты домов моделей, швейных фабрик, управлений и трестов легкой промышленности, родильных домов; конъюнктурные обзоры органов торговли и снабжения и т.д. В первую очередь они дают сведения об инициативах власти в сфере гендерной политики и моды, о регламентирующих практиках государственных и общественных структур. Значительно труднее обнаружить данные об отношении самих людей к проблемам сексуальности и репродуктивности, разводов и адюльтера, моды и модного поведения.

Чуть ли не единственным источником информации по данному вопросу являются так называемые эгодокументы (дневники, мемуары, эпистолярные тексты). Для них свойственно стремление к созданию индивидуальной модели прошлого на фоне общей картины действительности. Но информативность таких текстов зачастую зависит от социального статуса ее авторов. Так, мемуары и другие эгодокументы, принадлежащие перу политиков и ученых, носят чаще всего внебытовой характер, и описания проблем моды встречаются в них редко (см. например: Аджубей 1989; Ганелин 2004; Суходрев 2008; Хрущев 1999; Шестаков 2008 и др.). Несомненный интерес представляют книги И. Андреевой и А. Игманда — воспоминания профессиональных дизайнера и модельера (Андреева 2009; Игманд 2008).

Значительно более насыщены сведениями бытового характера эгодокументы литераторов, относящихся к плеяде «шестидесятников»: Д.В. Бобышева, Ю.М. Нагибина, А.Г. Наймана, Е.Б. Рейна и др. (Бобышев 2003; Нагибин 1991;

Найман 1999; Рейн 1997). Они достаточно откровенно пишут о проблемах взаимоотношений мужчин и женщин, правда, в основном в контексте коллизий литературного быта. В воспоминаниях Рейна прозаические эссе перемежаются со стихами, внешне простыми и четкими по форме, но одновременно информативными. Поэт оставил для потомства ценнейшие интервью — воспоминания о моде 1950–1960-х годов. Еще более яркими являются беллетризованные мемуары женщин, как принадлежавших к литературно-художественной среде, так и просто пожелавших передать потомкам сведения об «обычной жизни» в годы оттепели (см.: Белова-Колесникова 1999; Гоз 2008; Гурченко 1994; Дервиз 2011; Доронина 1997; Купман 2002; Ландау-Дробанцева 1999; Лурье 2007; Штерн 2001; Штерн 2005 и др.).

В целом же воспоминания литераторов как специфический жанр мемуарного текста обладают рядом особенностей. По мнению филолога Т.М. Колядич, писатели уделяют особое внимание созданию фактической основы и детализации повествования (подробнее см.: Колядич 1998). Это повышает ценность именно писательских беллетризованных мемуаров, носящих чаще всего характер литературных эссе с элементами воспоминаний, для воссоздания, в частности, деталей гендерного уклада эпохи хрущевских реформ.

Однако данный вид эгодокументов не лишен общих недостатков мемуарной литературы, созданной часто через 30–40 лет после описанных в ней событий. В воспоминаниях действует эффект аберрации памяти. Нередко в изложении авторов условное преобладает над конкретным, а самоцензура становится более жесткой, чем цензура официальная. И это зачастую касается не только важных политических событий, но и сколько-нибудь значимых явлений повседневности. Так, например, произошло на рубеже XX–XXI столетий с феноменом стилижничества. Традиционный вербальный и визуальный образ советского стилига во многом был создан советскими идеологами и транслирующими их взгляды средствами массовой информации, прежде всего прессой. Периодическая печать середины 1950-х годов тиражировала карикатуры, с помощью которых закрепляла в общественном сознании представление о вещах, характерных для стилига. Однако эти вещи были единичными яркими пятнами на общем фоне советской повседневности, а не маркерами сложившейся молодежной субкультуры стилига. Напротив, многие люди, которых в конце 1950-х годов называли стилигами, чурались даже самого этого имени. Ведь среди них оказывались и любители сдержанной, но элегантной одежды, не похожей на крикливые наряды героев карикатур. Однако в конце 1950-х годов на уровне массового сознания любая нестандартная вещь стала маркироваться как «стиляжная», что само по себе свидетельствует о размытости границ понятия «стиляга». Литератор Э.В. Лурье писала подруге в декабре 1958 года после заказа в модном ленинградском

ателье рубашки для своего жениха: «Мне еще попадет от него, наверное, за *стиляжные* (курсив мой. — Н.Л.) косые карманы» (Лурье 2007: 486). И эта реакция была вполне естественной. Любопытно другое, через пятьдесят лет та же Э.В. Лурье извинительно комментирует собственные письма: «Кто сейчас это может понять?! Мы жили в те времена, когда малейшие отклонения от общепринятых норм в поведении, причёске, одежде воспринимались как подрыв „советского образа жизни“ — чуть ли не подрыв основ государства. <...> Все мы должны были быть стандартными винтиками, регламентировалось все — от площади дачного дома до ширины брюк. <...> В таком воздухе даже невинные скроенные „по косой“ карманы попадали под подозрение. Это уже „самоцензура“. <...> Сейчас самой диким кажется, что в голову такое приходило» (там же). В данном случае стремление автора обязательно объяснить политическими мотивами достаточно типичную для многих мужчин консервативность в одежде, нежелание тратить на нее большие средства на самом деле — новый виток самоцензуры. Именно поэтому воспоминания, появившиеся в конце XX — начале XXI века, как и любые другие эгодокументы, уязвимы с точки зрения объективности сведений о прошлом в целом и о бытовых явлениях в частности.

Восполнить информационный пробел в данном случае могут помочь литературные произведения. Проблема ценности художественной литературы для исследовательских целей многократно обсуждалась в историческом сообществе. Исследователи не только доказывали правомочность использования художественных произведений для реконструкции прошлого, но и подчеркивали особую значимость именно писательских наблюдений (см.: Зверев 2004; Иггерт 2001; Миронец 1976; Предтеченский 1964; Шмидт 1997; Шмидт 2002). В современных учебных пособиях по источниковедению указывается важность материалов художественной литературы в первую очередь для изучения проблем повседневности (Кабанов 1997: 339–340).

Таким образом, в качестве источников достаточно достоверной информации в книге используются произведения художественной литературы. В тексте часто цитируются романы, повести, рассказы, эссе, написанные советскими писателями в 1950–1960-х годах. Современники описываемых событий, литераторы, как правило, «по умолчанию» точны в передаче именно бытовых деталей оттепели, что с полным правом позволяет рассматривать художественную литературу как исторический источник. Зачастую он является более достоверным, нежели воспоминания. В книге использованы тексты характерных представителей литературы социалистического реализма, почти забытых сегодня. Это Н.С. Дементьев, В.А. Кочетов, Г.Е. Николаева. Важное место среди источников информации о гендерном фоне хрущевских реформ занимает так называемая исповедальная проза шестидесятников,

литературное направление, сформировавшееся во многом благодаря журналу «Юность». Одним из ярчайших представителей «исповедальной прозы» конца 1950-х — начала 1960-х годов является В.П. Аксенов. Его творчество привлекает постоянный интерес исследователей. В работах начала XXI века часто отмечается то обстоятельство, что в ранних произведениях писателя особо важны темы повседневности, ее вещные, стилистические и гендерные характеристики. Многие из вышесказанного относится и к ранней прозе А.Г. Битова, тоже используемой в книге как источник сведений о взаимоотношениях мужчин и женщин.

Достоверность данных художественной литературы подчеркивает и то обстоятельство, что практически одни и те же факты повседневности и детали гендерного уклада зафиксированы и у апологетов СССР, и у диссидентов, и у тех писателей, которые смогли найти некую «золотую середину» в изображении действительности (например, у Д.А. Гранина и А.Н. Рыбакова).

Визуальную, а также вербальную информацию о гендерном контексте 1950–1960-х годов дают кинематографические произведения эпохи десталинизации. Историки редко прибегают к материалам советского кино для получения информации о бытовых реалиях оттепели. В то же время в отечественной социальной антропологии визуальные данные, и в первую очередь кинофильмы, высоко оцениваются именно как источник для реконструкции недавнего прошлого (Дашкова 2004; Дашкова 2009). Определенный итог достижений антропологов в исследовании советского общества подведен в коллективном труде «Визуальная антропология: режимы видимости при социализме» под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова (Визуальная антропология 2009). Обращение к кинематографическим источникам важно и потому, что это позволяет вызвать у современного читателя ряд визуальных ассоциаций, так как в последнее время фильмы, созданные в 1950–1960-х годах, часто мелькают на телеэкранах. Именно поэтому названия кинокартин времени оттепели использованы в наименованиях глав книги. Это реальное напоминание о времени перемен в жизни советского общества в целом и жизни советских мужчин и женщин в частности.

Важным материалом для воссоздания деталей гендерных отношений в период оттепели в СССР стали фотодокументы. Часть из них обнаружена в фондах ЦГА КФФД в Санкт-Петербурге, часть любезно предоставлена журналом «Родина», с которым автор книги сотрудничает двадцать лет. Но наибольшую ценность представляют любительские фотографии из частных архивов петербуржцев Б.М. Миловидова, Н.Г. Снетковой, А.Н. Павлова и москвичей Л.А. Алябьевой и Т.В. Григорьевой.

Искренне благодарю женскую команду, работавшую над книгой вместе со мной. Это верстальщик Екатерина Евгеньевна Сяря и корректор Светлана Леонидовна Крючкова. Внешний вид книги — их заслуга. Невозможно не отметить долготерпение и кропотливый труд редактора серии «Библиотека журнала „Теория моды“» Татьяны Витальевны Григорьевой. Она с удивительным тактом отнеслась ко всем капризам автора, касавшимся, в частности, обложки книги. Я очень ценю труд редактора книги Анны Сергеевны Красниковой. Мне уже доводилось работать с ней в процессе публикации статей в журнале «Теория моды», и новая встреча была желанной, а результат — плодотворным. Анна не только настоящий профессионал, но человек, неравнодушный к замыслу автора книги, бережно и тактично обращающийся с текстом.

Большое спасибо Людмиле Анатольевне Алябьевой. В 2007 году она привлекла меня к работе в журнале «Теория моды». Это было новое поле деятельности для социального историка. За почти семь лет знакомства в журнале появилось семь моих статей. И теперь с благословения Людмилы выходит и книга. Сил и здоровья этой маленькой мужественной женщине.

Ну и конечно, я хочу поблагодарить Ирину Дмитриевну Прохорову за доброжелательное отношение к моим начинаниям. Издательский дом «НЛО» — это марка! Приобщиться к этой славе — большая радость, но и большая ответственность.

Надеюсь, у нас все получится.

Декабрь 2013 г.